

РОКСЭН РУЖ

Бес
В РЕБРО

Роксэн Руж

Бес в ребро

<https://litres.ru/74227598>

Аннотация

Жизнь удалась - так я думал каждое утро, целуя любимую жену. Балую своих детей. Подкалывая вездесующую любопытный нос тещу. Другого и не хотел никогда. Только вот у судьбы были свои планы на этот счёт. Но что бы она мне не уготовила, я буду стоять до последнего. Так как семья для меня всё!

И даже теща...

Сиквел к книге "Анютины глазки". Можно читать как самостоятельный роман.

#без измен

#без разводов

#немного мистики

#много любви

#авторский юмор

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	25
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Глава 1

- Эх, хорошо! – переступившая через порог тёща несла с собой совершенно противоположную словам энергетику. Ещё бы век не видеть это распаренное красное лицо с живыми бегающими глазами вездесующего свой любопытный нос надсмотрщика. – Только вот в парной ручку надо тряпкой какой обвязать. Я руку обожгла.

- Жить будете, надеюсь? - тёща зыркнула на меня, правильно поняв потаённый смысл вопроса.

- Вот, у Людки сразу видно, что муж рукастый. Всё для семьи делает...

Швыркнул чаем, давая понять, что её претензия, как и очевидный прогон по моему мужскому эго, услышаны, но навряд ли какие-то действия будут предприняты с моей стороны.

- И тазы надо песком почистить. Все в налёте. Вот я в своё время драила тазики так, что как в зеркало смотреться можно было.

- Мама, а не пошли бы вы в баню. В свою. Забыл добавить. Тёща открыла было рот, но в это время на кухню вошла Ульянка с Ванькой на руках. Сын уже основательно наел щёки. Я же посмотрел туда, откуда он эту еду получал. Месяц строго послеродового запрета и голодного воздержания подходил к концу. И сегодняшняя затопленная баня была пер-

вым шагом на пути к жене. Правда, я никак не подумал, что тёща упадёт на хвост, сказав при этом, что нерентабельно топить две печки.

Зато всю зиму пилила меня дровами, как я те брёвна, заготавливая ей поленницу. Тогда всё было рентабельно, да...

- Саш, поддержи Ваньку. Руки отнимаются.

- Вот, а этот прям разогнался сразу. Ему жена говорит, а он хоть бы хны.

На момент вынесения данного заключения я уже стоял рядом с Ульянкой. "Хоть бы хны" случился лишь в большой фантазии моей горячо любимой тёщи. Я уже было открыл рот, чтобы уравновесить словесные победы, но вовремя остановился. Жена предостерегающе посмотрела на меня и мотнула головой. Ладно, смолчу. Лишний козырь в рукаве перед предстоящей ночью не помешает.

Потёр руки о штаны прежде чем взять сына.

- Иди ко мне, богатырь.

- Ишь чё! И сразу на стул. Нет бы ребёнка покачать. – Тёща грузно уселась напротив. – Вот так и рожай им детей, а они...

- А они сегодня не присели ни разу, так как целый сеновал сена скидали... - бросил я как будто между прочим.

- Тоже мне работа – вилами махать. Ты попробуй с двумя-то детьми справишься...

Ульянка опустила на свободный стул, тем самым разряжая обстановку. При ней тёща редко шла в лобовую, сжежи-

вая и надёжно сохраняя яд для более благоприятного случая.

- Что-то Ванька спит беспокойно. Вздрагивает постоянно. Может, его бабке какой показать?

- Нет! – в один голос проорали мы с тётшей. Сын от этого вздрогнул и заплакал.

Твою ж...

Я в надежде на милосердие со стороны жены, посмотрел на Ульянку. Та опять мотанула головой, явно давая понять, что помощи на этот раз мне ждать неоткуда. Сын целиком и полностью этим вечером был на мне, исключая моментов приёма пищи.

Глянул в глубокий вырез запахнутого халата. Не обыкновенно на молнии, который мозолил глаза ядовитым мелким рисунком, и был как большая светящаяся вывеска – НЕ СЕГОДНЯ. Этот был чёрный, с поясом, а лёгкая ткань подчёркивала изгибы и округлости, которые, к слову, стали лишь аппетитнее после двух родов.

Так вот, сейчас вывеска гласила – ДА.

И тот факт, что жена уже помылась, пусть в ещё чуть протопленной бане, чтобы молоко не свернулось, мне говорил о многом. Да, когда у тебя дома двое маленьких детей, да ещё вечно слоняющийся рядом цербер в юбке, такие знаки начинаешь просчитывать безошибочно.

Ну что ж...

Весь вечер я был образцовым отцом и мужем. Комар носа

бы не подточил. Но что комар, когда на свете есть МАМА...

- Уже девять. Ничего себе, как время летит, тем более в приятной компании. – Я красноречиво посмотрел на висевшие на стене кухни часы. Тёща намёк пропустила мимо ушей, пересказывая последние сплетни. Для меня они потеряли ценность пятью днями ранее, когда хоть немного отдавали новизной. Сейчас же эти сплетни на репите вызывали лишь раздражение.

- Анюта, допила молоко? Говори бабушке до свидания. И шагом марш в кровать. – Даже не дослушав, как чёрный кот дед Дроли задавил нескольких соседских перепёлок, я подхватил дочку на руки и пошёл в комнату. Слушателей у тёщи не осталось. Ульянка кормила сына.

- Папулечка, а можно мне с твоей куклой поиграть завтра? С моей куклой... Я прослыл тем самым ненормальным, кто всюду носит с собой старинную тряпичную куклу, засунув её под ремень. Оставлять её где-либо было опасно. По крайней мере, было гораздо спокойней, когда кукла находилась при мне. Окажись она в чужих руках, тем более в детских, и могло случиться всякое.

Кукла больше не входила со мной в контакт. Но мало ли что могло произойти. Возможно, мне вообще померещился тот леденящий душу шёпот. Я всё ещё хорошо помнил те несколько дней, стоивших мне седых висков, и чуть не лишивших меня дочери. Кукла – единственное, что осталось от старого дома, который я придал огню вместе с давно почив-

шей хозяйкой и ведьмой, которая хотела забрать силу, практически принеся в жертву мою дочь.

- Я тебе новую куплю, малышка. Хорошо?

- Ладно. Только в красном платье чтоб... И туфельках...

И ещё пап...

- Что, моя принцесса?

- Можно я заведу себе хомячка?

Ещё этой твари в моём доме не хватало. Тут и от одной избавиться не можешь...

- Давай завтра об этом поговорим, Анют. Хорошо?

- Ладно. Но хомячки такие лапочки, пап. Правда-правда.

По амбару у меня тоже бегают лапочки, правда с длинными хвостами. Никак не вывести. Впрочем, как и тещу, которая решила на ночь глядя убраться на кухне. И делала она это так громко, что даже дед Дроля слышал, что этим поступком она хотела сказать – Никто кроме меня. Каждое позвякивание оттягивало сегодняшнюю ночь, что шло в абсолютный разрез моим планам.

Нет, мне и одного грызуна моих нервов хватает...

Анька уснула, вполне успокоившись моим размытым обещанием. Я же поспешил на кухню, где всюду орудовала марлевой тряпкой моя любимая теща. И плевать она хотела на чуткий сон маленьких детей...

- Альбина Николаевна, собирайтесь, я вас отвезу домой.

- А посуду на кого оставишь? Мммм?... Опять Ульяновка мыкаться полночи будет?

- Сам помою.

- Да уж, тазы в бане ты уже помыл. Вот же повезло мне с зятем...

- Жду в машине пять минут. Если не выйдете, то на одиннадцатом маршруте домой пошуруете. – Нервы мои истончились настолько, что я перешёл к угрозам. Но это подействовало. Цыган залаял ровно через пять минут. Вышла-таки...

Альбина Николаевна с видом царицы Всея Руси села в машину. Обиделась. Ну и слава Богу. Хоть не слушать всю дорогу про то, как Пашка Машку за ляжку, или про задавленных чёрным котом перепёлок...

Половину дороги-таки мы проехали в гробовом молчании. Ровно настолько хватило Альбину Николаевну.

- А муж-то Людки её с Яшкой в бане застукал. – Об этом знала вся деревня. Оба, вон, давали дополнительное освещение и днём, и ночью. Хотя тут на самом деле жалко было лишь Гриху. Что бы тёща не говорила, но в одном была права – он старался для семьи. Жена стараний не оценила.

- А давеча дед Дроля...

- Что, тоже Людку в бане тискал?

- Тьфу на тебя! Что мелишь-то? Ошпарился он в бане.

Об этом не знал. Надо завтра облепихового масла ему снести...

- А ещё...

- А ещё вы приехали, Альбина Николаевна. – Затормо-

зил у дома тёщи. Та опять высказала своим выражением лица мнение обо мне. Пару раз качнувшись на сиденье, чтобы скооперировать все свои прослойки в одну, и удержать при этом пакет с вещами, вышла-таки из машины.

- Спокойной ночи, Альбина Николаевна. Приходите к нам ещё. – Лет так через цать...

Вошёл в дом, стараясь не шуметь. Ульянка уже домывала остатки посуды.

- Какая же ты у меня умница, - обнял её сзади, пробираясь-таки в прорезь халата. Тяжесть наполнила всю мою ладонь. Второй ребёнок явно сказался, но меня это только радовало. Можно будет и на третьего замахнуться, но это позже. Сейчас меня радовало уже то, что Ульянка не препятствовала проникновению в халат моим рукам и не выдёргивала пальцы с корнями. Наоборот, откинувшись назад и положив голову мне на плечо, дала полную свободу моим действиям.

- Маме скажу, что это ты помыл. – прошептала жена. К моему двору пришёлся лишь её осипший шёпот.

- Улька, можно я побуду наедине с женой без этой... мамы?

- Можно.

- Вот и славно. – Мягкость и податливость жены лишь усилили голод. Я даже вспомнить не мог, когда вот так касался её.

Знал, что в этот период, когда жена кормила грудью нашего сына, под моими пальцами находились тугие узелки особенно чувствительных зон. Лишний раз в этом убедился, когда Ульянка тихо застонала, выгибаясь сильнее навстречу моим касаниям.

Погладил. Сжал чуть сильнее. На пальцах осталась тёплая влага. Втёр её в твёрдые острые вершины.

- Дай, я на тебя посмотрю... – Прикусил мочку уха, чувствуя под своими руками дрожь. Не исключено, что именно мои пальцы и дрожали.

- Саш, нет... - Не дал жене скрестить руки. Развернул её к себе лицом. Она всё же попыталась предпринять попытку запахнуть полы халата, но я сделал совершенно противоположное её движению. Чёрная ткань соскользнула с плеч. Халат держался исключительно на чёрном пояске, и только он скрывал от меня ту часть, где находился пупок. Остальное было открыто моему взору.

Сделал шаг назад, чтобы не только рукам повезло, но и глазам посчастливилось коснуться тела жены.

Улька по-своему восприняла мои действия.

- Не смотри на меня, Саш...

- Почему это? – оторвался от созерцания её бёдер лишь для того, чтобы вопросительно посмотреть жене в глаза.

- Я толстая и некрасивая...

Это было опасно. Очень скользкая дорожка, с которой можно слететь под натиском лавины, если у жены возникнет

сомнение на свой, да и на мой счёт тоже.

- Ты самая красивая женщина на свете, Улька. Я каждый день влюбляюсь в тебя всё больше и больше.

- Нет... - Жена старательно надула губы. Подавил тяжёлый вздох. За наш брак, да и после рождения Анютки, я хорошо усвоил то, что Ульянка мастерица по ловушкам. Одно неправильное слово, один неаккуратно брошенный взгляд, непродуманный жест, и ты уже в силках, а сверху закрывается крышка. А потом продолжай звенеть бубенцами так, что на краю деревне слышно, или сиди в бане в полном одиночестве и продолжай нарабатывать моторику.

- Дабы ты не сомневалась в моих словах, проведу демонстрацию. – Подошёл к жене, взял её руку и направил в область ширинки. Выгнул бровь. – Ещё есть какие-то сомнения, Уль?

Она засмеялась, и покачала головой. Опять удержался, чтобы не выдохнуть с облегчением. Да, я тоже научился расставлять ловушки. Наверное, так это и работает в семейной жизни.

- Если ты будешь продолжать в том же духе, то у меня либо лопнут штаны по швам, либо случится конфуз. – Поймал ртом её смешок. - Полотенце дай мне, Ульян. И трусы. Я быстро до бани и обратно...

Насвистывая, прошёл мимо амбара и сараев. На мгновение хруст сена стих. Посмотрел на застывших в немом ожи-

дании коров. Надо бы подправить ограждение. Оглобли прохудились.

Своим появлением спугнул нескольких баранов. Этих товарищей нужно скоро стричь. Остался ли дуст? Не мешало бы и вазелин проверить.

Мысленно намечал планы на день грядущий пока шёл к бане. Она стояла на задворках огорода подальше от жилых построек. Так было безопасней, если вдруг пожар. Тьфу-тьфу-тьфу...

Дверь в баню была приоткрыта. Даже здесь тёща себя показала. Хотя, я и не ждал чего-то другого. Её противостояние мне, даже противоборство, сходило на нет лишь перед ликом проблем, а в спокойные дни Альбина Николаевна отрывалась по полной.

Тёща-полоскун, кажется, специально вычерпала всю холодную воду. Пришлось кинуть шланг до колодца. Даже пальцы стынули от температуры колодезной воды, когда менял ёмкость.

Мысленно "поблагодарил" тёщу, чтобы ей сейчас икалось. Она своё дело знала. Печка была чуть жива. Подкинул пару полешек, чтобы поддержать жар в камнях и немного парнуть косточки. Дрова занялись ярким пламенем. И к тому моменту, как я набрал во все фляги холодной воды, камни основательно прогрелись. Благо, тёща хотя бы их не залила...

Стянул с себя пропотевшую и вымазанную мазутом одежду. Бросил в кучу грязных вещей подальше от детских пелё-

нок. Улька собиралась завтра устраивать большую стирку.

Набрал тазы. Вполне нормальные. Отражения, конечно, своего я не видел, но у меня были дела поважнее, чем надраивать банную атрибутику, или любоваться собой.

Зачерпнул в ковшик воды и вылил его на камни. Пар тут же за клубился вокруг. Поддал ещё, так как после первого раза даже пот не выступил. Закрыв глаза, чувствуя, как задеревеневшие мышцы расслабляются...

Должно быть я уснул. Или словил парной угар. Так как услышать в собственной бане мужской бубнёж никак не планировал. И тем более почувствовать чьё-то присутствие.

- Вот и свиделись, наконец. Долго ждал я. Ну, рассказывай, Саня, чем-я-то тебе не угодил?

Медленно повернулся, всё ещё надеясь на термальные галлюцинации. Но слишком чётко ощущал постороннее присутствие.

Потусторонне, точнее.

Сам не узнал собственного крика, больше похожего на визг...

По правую руку от меня сидело существо. Только ориентируясь на голос можно было причислить ЭТО к мужскому роду. Седая по густоте своей напоминающая медвежью шерсть покрывала его с ног до головы.

Язык со страху прилип к нёбу, но даже при этом я заорал, когда существо повернуло ко мне свою косматую голову. Среди седин, растущих и на морде (лицом назвать это

было невозможно), я увидел четыре глаза. Четыре! Раздвоенный нос, будто посередине прорубленный и смещённый в разные стороны. Смыкающийся посередине рот. Он расходился к углам серых губ, образуя две постоянно открытых пасти.

- Ты как будто чёрта увидел... - Несмотря на деформацию всего речевого аппарата существо говорило вполне понятно. Причём процесс шёл сразу из двух пастей, но с секундным опозданием, поэтому всё слышалось эхом.

Или это я уже отъезжал со страха...

Только силой воли удержал себя в сознании.

- Это мне только мерещится... - пробубнил, отвернувшись от ужасного видения. Опустил ковш в бак с ледяной водой. Кожу головы стянуло. Настолько колодезная вода была холодной. Глаза открывать не хотел, и лишь надежда, что галлюцинация развеялась, дала мне храбрости.

Сморгнул капли с ресниц. Прорывая барьер всех внутренних упреждающих инстинктов, посмотрел по правую от себя руку.

- А-а-а-а-а... — две щерившиеся в оскале пасти были слишком реалистичными, чтобы продолжать тянуть за уши теорию о галлюцинациях.

- Ш-ш-ш-ш... - из его раздвоенного носа повалил густой пар. Я закашлялся. В тяжёлом влажном воздухе потянуло сероводородом. - Ты меня не бойся, Саня, я с миром пришёл.

Пока. – Теперь уже чтобы вернуть себе способность дышать охолонулся. Студёная вода не возымела никакого эффекта. Разве что я смог сделать один глубокий глоток вонючего воздуха...

- Ты... Ты кто? – Не узнал собственный будто трещающий голос.

- Я?! Так банник же!

- Банник? – повторил, как будто это помогло бы мне поверить собственным глазам. Я всю жизнь прожил в деревне. В детстве сам страдал от жутких историй, рассказанных подвыпившим дедом. Но помимо пропавшего сна и обострённого на любой скрип половиц слуха, я был до жути заинтригован страшными сказками. Даже пару раз бегал в баню после двенадцати в попытках увидеть то самое чудище, что вылезало из-под полка ночью. Но ни разу так и не узрел воочию. И сейчас бы не узревал с радостью.

- Ещё нет двенадцати. – Железобетонная логика дала мне лишний козырь. Так я решил с пропаренных сероводородом глаз. На это банник лишь фыркнул бело-сизым вонючим облаком в меня. Рассмеялся до жути противно. Его смех напоминал свиное хрюканье, при котором он скрипел зубами обеих челюстей разом.

- Не тебе, Саня, тут порядки наводить. Не тебе. – Он подружески хлопнул меня по колену. Но тот жест никакого отношения к дружбе не имел. На глазах кожа на коленке покраснела и покрылась волдырями.

Бросил взгляд на дверь. Крепче сжал рукоятку ковша. Тут был ещё запаренный в тазу веник, но им я навряд ли мог бы воспользоваться на предмет защиты или нападения.

- Эх, хорошо... - Банник философски прикрыл глаза и выдохнул паром одновременно из ноздрей и раздвоенной пасти, на несколько секунд пропадая из зоны видимости. Мне этого времени хватило, чтобы сорваться с полка и дёрнуться в сторону двери. Но напрасно. Не успел. Стоило мне толкнуть дверь, как меня шквалом кипячённого воздуха швырнуло обратно. – Ты, Саня, не убегай. У меня к тебе дело есть...

Обожжённая кожа начала стягиваться. Заорал от нестерпимой боли. Казалось, что всё тело обьяло огнём. Опустил в таз ковш. Ледяная вода дала лишь секундную передышку. Скоро царапнул ковшом по дну...

- Смотрю, тебе нравится париться, Саня. – Банник явно издевался надо мной.

Соизмеримо боли была только моя злость.

- Чего тебе надо?

- Да, нет, Саня, это тебе надо. – В глазах существа отразился красный всполох, а потом и вовсе они зажглись алым пламенем. – Ты зачем сюда чертей призвал? А?!

- Я?!

- Ты, Саня, ты. А черти любят где жарче, да потеплее. Вот теперь и до меня очередь дошла. Черти почти всех банников прогнали. Слышал ведь про непотребства, что в дерев-

не творятся, ммм?..

- Тёща что-то говорила... - А я как обычно не слушал её квохтанье.

- Альбина Николавна... - Банник многозначительно погладил то, что должно было быть бородой. – Вот же жар-баба. Ох, а веником то как она себя. Ух...

Затошнило. Если бы в баке осталась ещё вода, я бы с удовольствием охолонулся.

- Давай без подробностей. Что там с чертями?

- А всё плохо, Саня. Скоро они всех отсюда изгонят. Думаешь, без домового хорошо жить будет, ммм? Но я в лес к лешим скитаться не пойду, так и знай!

- Так, а я-то тут вообще каким боком? – Банник обжёг меня взглядом. В прямом смысле. Почувствовал, как горит всё лицо.

- Знаешь, как раньше банников уваживали? Вижу, что не знаешь. Да не ори ты! – Жжение прекратилось. Я к своему стыду почувствовал, как из обожжённой слизистой градом катятся неконтролируемые слёзы. – Под баню закапывали старшего из рода.

- Тёща сойдёт? – чёрный юмор помог мне хоть немного овладеть собой. От злости, резкой перепады температур и полнейшего бессилия меня затрясло.

Банник вмиг стал серьёзней. Хотя сложно было что-то понять по его покрытой густой шерстью... морде. Но я почувствовал на ментальном уровне эту перемену.

- Ты старший, но тебя я не трону. Ещё пригодишься. Сына заберу. – Банник тяжело поднялся с полка, возвышаясь надо мной медвежьей скалой. Я был в проигрышной позиции, но угрозы моему сыну сорвали с тормозов.

- Тронешь Ваньку, я тебя голыми руками...

Меня отшвырнуло горячим паром. Только чудом я не впечатался к печке.

- Или же...

Поднял голову, встретился с банником взглядом.

- Что хочешь взамен?

- Приведи мне чёрта. Даю три дня. Потом устрою мор в твоей семье...

Банник начал как будто растворяться в воздухе, но не исчез полностью. Серое пульсирующее облако поплыло в сантиметре над полом к полку. Банник просочился сквозь деревянный настил, не находя в досках вообще никакой преграды. И лишь горящие алым цветом глаза неотрывно смотрели на меня из-под полка.

Он был там... Всё это время... Всегда сидел под полком и смотрел. Ждал. Я же ждать и смотреть на горевшие злобой рубины уже не мог. Сорвавшись с места, бежал к дому, на бегу натягивая трусы. Цыган, заметив меня, жалобно заскулил и пополз к себе в конуру. Нехороший знак. Но с ним позже, сейчас главное семья.

Тишина в доме была ужасающей. Цепенящей. Страх был

ощутим даже на физическом уровне. Пробежался от пяток до затылка в долю секунды, замораживая мышцы. Что, если банник не стал ждать три дня...

Не помня себя от страха за собственную семью, вбежал в нашу с Ульянкой комнату. Освещения, падающего из кухни было достаточно, чтобы разглядеть лежавшую на кровати жену. Она откинула одеяло, предоставив мне обзор к своим обнажённым округлостям. Сглотнул, на мгновение сбившись с мысли. Но уже в следующую секунду я стоял у детской кроватки, прислушиваясь к дыханию сына. Живой...

- Саш, иди ко мне. – прошептала жена.
- Сейчас, Аньку проверю.
- Да спит она, Саш. Я недавно смотрела.
- Я сейчас.

Анютка крепко спала. Поправил одеяло, вспоминая в этот момент тот жуткий страх, когда думал, что потерял её. Сейчас он так же глушил все остальные мысли.

Вышел из комнаты дочки и направился сразу на кухню.

Прости, Ульянка, но не сегодня...

Случайно скинул на пол эмалированный таз...

Не спал всю ночь, курсируя от спальни дочери до нашей с Ульянкой комнаты, куда мне, без сомнений, путь теперь был заказан. Жена сделала свои собственные выводы. Все мои раннее сделанные заявления перечеркнулись одним махом. Конечно, логичней было подумать, что она после двух родов

перестала меня привлекать, чем представить истинную причину... О которой я, понятное дело, молчал.

Банник, угрожая моей семье, повесил на меня обвинения в какой-то чертовщине. Лешие, черти, домовые. Нет, после подполья, в котором обитала ведьма, после куклы, несшей в себе неизведанную силу и призвавшую быть её хозяином, я уже ничему не удивлялся. Но черти...

Только на остывшую голову я понял, что мне следовало расспросить Банника. Получить какую-то инструкцию в конце концов. Элементарно понять в каком направлении двигаться и что делать.

С этим намерением я и пошёл в баню с первыми петухами.
- Эй... - меня больше испугал собственный скрипучий шёпот, чем визг потревоженной разбухшей со временем двери. Кроме этого звука не последовало ничего. Лишь только страх за семью подтолкнул меня перешагнуть через высокую перекладину порога. – Эй, Банник! Ты тут?!

Тишина...

Может, у меня всё-таки был термальный удар? Или тёща каких трав в печку накидала? С неё станется...

Или же Банник не выдержал натиска чертей и самоизолировался в лес? Было бы отлично. Наверное. Только как сейчас это можно было проверить?

Слишком большой риск и непомерно большая ставка. Пустить всё на самотёк было опасно.

Ульянка почти каждый день стирает тут Ванькино испод-

нее. А если именно в этот момент Банник решит в очередной раз показать себя миру? Нет, такую вероятность надо исключить.

Вышел из бани. Вернулся к дому. Цыган, завидев меня, прижал хвост и ретировался в будку. С ним потом – вновь пообещал сам себе, заходя в сарай. Отыскал на верстаке выдергу. Вернулся в баню. Прошёлся ещё раз, заглядывая даже под полки. Вдруг Банник там занял оборонительную позицию и зыркает на меня кровавыми рубинами...

Но и там я никого не обнаружил.

Перехватил выдергу и огляделся. Нужно было определить то место, попортив которое я нанёс бы меньший урон. Желоб для сточной воды вполне бы подошёл. Тем более, я всё равно хотел его менять, постоянно ворча на Ульянку, что исправлять малую нужду в бане нельзя. Гниёт же всё потом...

Обрадовался даже, что вовремя вспомнил об этом. Вот и благородный мотив нашёлся. Вроде бы...

Желоб поддался не сразу. Но стоило ему со скрипом сдвинуться, как дело пошло быстрее. Вынес его из бани. Вернулся, принимаясь за доски. Этих пяти плах должно быть достаточно. Ульянка у меня здравомыслящая, ноги ломать не пойдёт. Только что теперь делать с Ванькиными вещами? У него свой режим жизнедеятельности, и никакие Банники ему не помешают двадцать раз на дню прудить в пелёнки...

- Саш?! – вздрогнул от голоса жены. Оглянулся.

- Улька, ты чего здесь?

- Да так... - Жена потянула за пояс на халате. Он зазмеился на пол. Теперь халат ничего не держало, и он последовал к её ногам.

Сглотнул загустевшую слюну. После вчерашнего аперитива, густела не только слюна. Даже сердцу стало тяжелей толкать кровь по венам. Вся она устремилась к паху. Почувствовал напряжение, максимально мешающее думать. Всё же ухватился за ускользающую мысль.

- Ульяновка, где дети? – Она не ответила, подходя ближе. – Осторожно. – предостерёг я, но жена вполне ловко перемахнула с одного бревна на другое. Стянула с волос резинку. Те рассыпались каскадом по плечам, не скрывая от моих глаз пышных аппетитных форм. Соблазн был очень велик, и я почти поддался. Но всё же повторил свой вопрос.

- Ульянов, где дети?

- Какая тебе разница, Саня... – Её голос стал сипше, басистее. Уже почти узнаваемый, но не принятый мной лично. – Ты их в любом случае уже потерял.

Жуткий скрипучий смех вырвался из горла жены. Глаза словно талое масло поползли по щекам вниз. Видимо, достигнув максимума, лопнули, разделяясь пополам. Нос с треском развалился на две части.

- Ты никчёмный отец, Саня! – это жена сказала уже склеившимся посередине ртом. – И муж так себе.

Всё это время я не мог вытолкнуть из себя ни то что слова, даже жалобного крика. Если бы не раздавшиеся за дверью

шаги, то и вовсе бы слёг тут же замертво.

- Саш?! – на этот раз голос точно принадлежал жене. В этом я был уверен...

Глава 2

Дверь распахнулась настежь, я же по инерции полетел на пол. Ни без помощи Банника. Позволил себе лишь одну секунду слабости, когда почувствовал спасительную свежесть раннего утра. Прохлада обволокла обожжённую кожу. Но тут же все мои мысли переключились на жену. На оставшихся дома детях...

- Улька, уходи отсюда! Быстро!

Глаза Ульянки обожгли меня гораздо сильнее пара. В первый момент я даже подумал, что её так перекосило из-за того, что она увидела за моей спиной ужасную пародию на саму себя.

Слёзы заиграли в её больших оливкового оттенка глазах. Раздался всхлип.

- Уль, всё нормально. Ты только не бойся. Мы вместе во всём разберёмся.

- Я и не боюсь, Саш. - сквозь слёзы улыбнулась она. Посмотрела мне за спину. - Здравствуй, Людмила.

Что?

Я успел лишь мельком заметить голые женские ступни, так как до сих пор сидел на полу. Они не принадлежали моей жене, точнее, её сверхъестественной копии. Я знал каждый сантиметр её тела...

- Не буду вам мешать.- Жена шагнула обратно через по-

рог. Из-за разошедшихся досок дверь закрылась не сразу. Того импульса, что задала Ульянка, было недостаточно.

- Улька, стой! Всё не так, как... - Она захлопнула перед моим носом дверь с такой силой, что с бревенчатого потолка посыпалась глина, которую я использовал в качестве утеплителя.

Поднялся на ноги и обернулся. Увидел абсолютно ногою Людку, ту самую, которая была замечена за адюльтером в бане с соседом. Только с небольшой разницей - эта Люд-ка еще не повстречалась с мужьим карательным кулаком. В первую секунду я даже растерялся, не понимая, откуда она вообще здесь взялась. Мысли путались. И хоть я уже был свидетелем всякой чертовщины, но каждый раз всё равно пытался найти рациональное зерно.

Если Банник мог принять облик любого, почему выбрал именно этот? Мясистую, большую во всех областях, с печатью прожитых несправедливых дней дорожную женщину? Выбирал по собственному изысканному вкусу?

- Зачем? - выдавил я, сжимая кулаки.

- Если ты не добудешь мне чёрта, я лишу тебя всего. - Людка развернулась и скрылась в помывочной.

В следующую секунду я уже бежал вслед за своей женой. Догнал её у стайек.

- Улька! Постой! Ты не так всё поняла! Это не то... Не то, чем кажется!.. Послушай, это всё банник.

- А чем это может показаться ещё? - она резко разверну-

лась, выдергивая свою руку из моей, которую я успел схватить секундой ранее.

На последние мои слова она не обратила никакого внимания. Не мог сказать, что это меня сильно расстроило. Не хватало ещё сумасшедшим прослыть в глазах собственной жены. Хотя, и нынешнее положение дел меня не устраивало.

- Улька, поверь, это не то, чем кажется.

- Саш, тут особо не путаешь. - она горько усмехнулась.

- И знаешь, что самое обидное? Нет, не измена, Саш. Это я еще могу где-то понять. Кто меня такую захочет? Но Людучка, Саш?... Неужели я настолько плоха, раз ты предпочёл её? Ответь! - она закричала и заплакала одновременно. Сердце сжалось совестливыми тисками, хотя я ничего и не сделал. Но всё равно чувствовал вину за каждую пролитую слезинку.

- Нет, Улька... Серьёзно... Не знаю как объяснить... Но ты должна мне поверить.

- Должна? - Такого обжигающего холодной ненавистью блеска в её глазах я ещё не видел. И от этого всё внутри сжалось в бараний рог. Её голос надломился, когда она проговорила. - Я же знала, что что-то не так. Понимаю, я не такая, как прежде. - Она схватила себя за бока, оттягивая ещё не успевшую сократиться после родов кожу. - Я же... Я же совсем недавно родила. И я не могу быть такой как прежде... Но Людка, Саша... - она махнула рукой в сторону бани и её рука беззвольно опустилась обратно.

- Улька... - я сделал к ней шаг, но в тот же момент пожалел

об этом. Похоже, расстроенные чувства только придали сил моей жене. В следующий момент я уже, совершенно оглушённый, лежал аккурат у коровьего дерьма. И именно таким же дерьмом я себя и ощущал...

Видимо, я находился в нокауте больше времени, чем думал. Этого времени жене вполне хватило, чтобы собрать в два пакета вещи. Конечно, видно было, что сборы проходили второпях.

- Куда-то собралась? - жена проигнорировала мой вопрос, выщипывая подгузники из огромной пачки. Это действие вселило в меня надежду, что, даже если жена куда-то и собралась, то ненадолго. Тут же накрыло холодным разочарованием. Улька сложила все памперсы обратно, Да ещё и из спальни притащила запасную упаковку.

Надолго...

Всё моё внимание было сосредоточено на жене, поэтому я и не заметил притихшую с сушкой в руке у стола Анютку. Её глаза были полны слёз. Сделал шаг к дочери, но тут же был оглушён брошенными мне в спину словами:

- Не смей!

Аня заплакала. Оно и понятно, и на моей памяти это была наша с женой первая ссора. А на детей она вообще не имела привычки кричать. И, чёрт возьми, я даже не знал, что мне со всем этим делать.

 В комнате заплакал Ванька. Я бы ринулся туда, но и

тут мне указали отворот поворот.

- Не смей подходить к моим детям!

- Уль, давай выйдем, а? Не будем детей пугать.

- Я рада, что ты вспоминаешь о них, хотя бы тогда, когда это тебе выгодно. Удобно.
Сжал челюсти так, что скрипнул зубами. Не стал отвечать. Хотя, в этой ситуации моё молчание могло восприняться как согласие.

Залаял Цыган. Да не просто так, а практически срываясь цепи. Плохой знак.

Услышал знакомую тяжёлую поступь. В открывшуюся дверь сначала ворвалось ворчание.

- А ведь я говорила! Предупреждала, что этим всё и кончится! Но разве маму кто-то слушает?! - наконец, в кухню, словно ураган, ворвалась моя любимая тёща. - Говорила же, что от нормального мужика надо рожать! А не вот от этого вот...

Тёща замолчала, встретившись со мной взглядом. С ней я точно готов был выйти один на один. Но между нами, даже сейчас, встала Ульяна. Прямо на моих глазах передала тёще Ваньку. Он заплакал ещё сильнее. Это было неудивительно, Я бы на его месте поступил точно так же.

- Анечка, пошли. - Улька протянула руку к дочери, но та принимать её не торопилась. Вместо этого она соскочила со своего стула и побежала ко мне. Сел на корточки, прижимая к себе свою маленькую дочку.

- Папочка, ты меня что, больше не любишь? - казалось,

что меня насквозь проткнули вилами на уровне сердца и провернули ими. Так больно мне стало от её слов.

- Очень люблю, моя хорошая. - Улька в нетерпении схватила пакеты.

- Давай, помогу.

- Ты, зятёк, уже помог.

Опять сжал челюсти, но всё-таки смог промолчать.

- Уль, давай отвезу...

- Ишь, какой незаменимый! Сама отвезу. - с усмешкой отбрила меня тёща, но тут уж я смолчать не смог.

- На вашей метле все не поместятся.

Тёща что-то нечленораздельное фыркнула в ответ, но всё-таки ушла, унося с собой плачущего Ваньку.

Анютка, чувствуя приближающееся расставание, ещё крепче ухватилась за мою шею.

Но именно в эту самую минуту я понял, что сейчас, даже если бы я каким-то образом заставил Ульянку остаться дома, то подверг бы их очень большой опасности. Смертельной, если верить угрозам банника. А не верить им у меня повода не было.

- Анюта, я очень скоро заберу вас. И тебя, и братика, и маму.

- И бабушку?

- Да, возможно даже и бабушку. Я вас очень люблю.

Я вышел следом за оградой. Ульянка сделал вид, что даже

не заметила меня, застывшего между столбами, на которых на массивных петлях висела калитка. Что нельзя было сказать о тёще. Она зыркала из машины своего соседа в мою сторону недобрым сузившимся взглядом. Сейчас это меня не цепляло. А вот то, что Ульянка по собственной глупости увозит от меня детей... Это дробило зубы, когда я скрипел челюстями.

Тёщин сосед кивнул мне и ободряюще улыбнулся. Не думаю, что он был в курсе случившихся событий. Тёща остра была на язык, лишь когда дело касалось чужих людей. Думаю, если бы не мой брак с её дочерью, уже вся деревня стояла бы на ушах от сенсации дня. А про Ульянку она болтать бы не стала.

Посмотрел на Анютку. Она изо всех сил посылала мне на прощанье бесчисленные воздушные поцелуи. Ловил каждый из них и прижимал к сердцу, тогда как внутри начала закипать злость.

Машина, посигналив, дёрнулась с места. Сейчас мне стало безразлично даже то, что вся жизнь в деревне словно оцепенела для того, чтобы понаблюдать за моментом крушения моей семьи. Отрешённо стоял и смотрел на дорогу пока машина скрылась с глаз.

- Санька, чегось случилось-то? – ко мне ковылял дед Дроля. Ближайший к моему дому сосед всегда служил отправным пунктом сплетен. И если бы не его почтенный возраст, я бы закрыл перед его любопытной персоной воротину. А

так просто молча зашагал к сараю у будки с Цыганом. Тот зарычал. Вновь проигнорировал его плохое настроение. Я и сам был готов сесть на цепь и зарычать на весь этот мир.

- Санька... - Дроля зашёл следом за мной в сарай. Я же уже был у верстака. Там стояла паяльная лампа. Проверил, есть ли горючее. Запал разжёг шипящее бело-синее пламя. – Ты чего это, Санька?

- Дед Дроля, иди ты... домой, а. Сейчас и без тебя тошно...

- Э, Саня, ты с горелкой-то осторожней. Подпалишься ещё. – Я закрутил вентиль, лишь бы тот отстал и шёл своей дорогой. – А верёвка тебе зачем? Саня?! Не вздумай!

- Иди, дед, домой. Прошу.

- Нет уж, пока не скажешь, чего учудить надумал, не уйду. Один уже учудил...

Остановился. После его слов царапнуло плохое предчувствие.

- Не слыхал что ли? Профессор давеча в баню пошёл и угорел. Дурак его с утра и обнаружил. Прибежал ко мне, мычит, а я-то понять не могу, какой такой у него ко мне разговор. Оказалось, во на в чём дело было-то.

Представил эту картину. Да, утро не только у меня не задалось. Жалко было Профессора. Да и Дурака. Кому он кроме своего отца нужен будет...

В каждой деревне был свой дурак. У нас на Маниловсе тоже таковой имелся. Я уже не помнил, как его звали на са-

мом деле. Как и не помнил был ли он такой с рождения или после какой-то перенесённой травмы. Было привычно каждый день наблюдать, как Дурак бесцельно слонялся по улицам, грозил всем кулаком, мычал коровам в ответ на их мычание, гавкал в такт собакам, и только от кошек бежал так, словно то были саблезубые тигры. Кошки, к слову, вели себя ровно так же.

А что до приобретённого имени... Как оно бывает - один ляпнул, второй повторил, третий окрестил. Вот теперь так и жил безымянный дурак по прозвищу Дурак.

Отец его был Профессором, но не из-за того, что слишком блистал знаниями. В деревне их и не требовалось. Рабочие руки, да переходящие от отца к сыну знания – вот, что прокормит в самый тяжёлый год. Профессором он был именно из-за родства с Дураком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.